

шую часть людей, которые поэтому и не могут пользоваться досугом для размышлений. Другая – это непригодность к занятиям в том месте, в котором человек родился и вырос, ибо в нем иной раз не только никакой Высшей школы не существует, но и никого из ученых людей даже издали не увидишь.

Две из этих причин, а именно первая внутренняя и первая внешняя, не подлежат осуждению, но достойны извинения и прощения; остальные же две, хотя одна из них и в большей степени, чем другая, достойны порицания и вызывают отвращение. Таким образом, для всякого внимательного наблюдателя очевидно, что мало таких людей, которые способны были бы достигнуть всеми желаемого призвания, и что едва ли можно исчислить тех неудачников, которые всю свою жизнь жаждут этой пищи. О, сколь блаженны восседающие за той трапезой, где вкушают ангельский хлеб! И сколь несчастны те, кто питается той же пищей, что и скотина! Однако поскольку каждый человек каждому другому человеку от природы – друг, а каждый друг скорбит о недостатках любимого, постольку вкушающие пищу за столь высокой трапезой не лишены сострадания к тем, кто у них на глазах бродит по скотскому пастбищу, питаясь травой и желудями. А так как сочувствие – мать благодетель, то и познавшие всегда щедро делятся своими добрыми богатствами с истинными бедняками, являя собой как бы живой источник, чья вода утоляет ту природную жажду, о которой говорилось выше. Я же не восседаю за благодатной трапезой, но, бежав от корма, уготованного черни, собираю у ног сидящих толику того, что они роняют. Я знаю о жалком существовании тех, кого я оставил за собою; вкусив сладость собранного долгими моими трудами, я проникся состраданием к этим несчастным и, памятуя об оставленных, приберег для них некогда обнаруженное их взорами и возбуждившее в их душах большое желание. Посему, стремясь ныне им услужить, я намереваюсь задать всеобщее пиршество из того хлеба, который необходим для такой снеди и без которого они не смогли бы ее отведать. А это и есть пир, достойный этого хлеба и состоящий из такой снеди, которая, как я надеюсь, будет подана не напрасно. И потому пусть не садится за это пиршество тот, у кого органы к тому не приспособлены, ибо нет у него ни зубов, ни языка, ни неба, а также и ни один из приспешников порока, ибо желудок его полон ядовитых соков, вредных настолько, что никаких яств он никогда не мог бы принять. Но пусть придет сюда всякий, кого семейные и гражданские заботы не лишили человеческого голода, и сядет за одну трапезу вместе с другими, подобными ему неудачниками; и пусть у ног их расположатся все те, кто по нерадивости сделались недостойными более высоких мест; и пусть и те и другие примут мое угощение вместе с тем хлебом, который позволит им и отведать его и переварить. Угощение же на этом пиру будет распределено на четырнадцать канцон, посвященных как любви, так и добродетели, которые без предлагаемого ныне хлеба остались бы темны и непонятны, и многим их красота могла бы понравиться больше, чем содержащееся в них добро. Однако хлеб этот, то есть истолкование, будет тем светом, который обнаружит каждый оттенок их смысла.

Если в настоящем сочинении, которое называется «Пиром» – и пусть оно так называется, – изложение окажется более зрелым, чем в «Новой Жизни», я этим ни в коей мере не собирался умалить первоначальное мое творение, но лишь как можно больше помочь ему, видя, насколько разумно то, что «Новой Жизни» подобает быть пламенной и исполненной страстей, а «Пиру» – умеренным и мужественным. В самом деле, одно надлежит говорить и делать в одном возрасте, а другое – в другом. Поведение уместное и похвальное в одном возрасте бывает постыдным и предосудительным в другом, что и будет обосновано ниже, в четвертом трактате этой книги. В прежнем моем произведении я повествовал, будучи на рубеже молодости, а в этом – уже миновав его. И так как истинное мое намерение отличалось от кажущегося при поверхностном ознакомлении с упомянутыми канцонами, я ныне собираюсь раскрыть их аллегорический смысл после уже поведенного буквального смысла. Таким образом, и то и другое истолкование придется по вкусу тем, кто приглашен на ужин. Всех же я прошу – если пир этот окажется не столь роскошным, как это было объявлено, – приписывать каждый недостаток не моему намерению, но моим способностям; все же я стремлюсь к совершенной и любвеобильной щедрости, которая должна осуществиться.